

УДК 9(436)(=861/=862)

Южнославянский вопрос в Габсбургской империи (40-е гг. XIX – начало XX вв.)

А. А. Григорьева

Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск

Статья посвящена так называемому южнославянскому вопросу, тесно связанному с национальным движением южных славян Габсбургской монархии и его идеологической базой (иллиризмом), а также анализу причин сербохорватских противоречий.

Ключевые слова: иллюризм, югославизм, сербы, хорваты, мадьяризация, Австро-Венгрия.

Политическую жизнь в 40-е гг. XIX – начале XX вв. в Центральной и Юго-Восточной Европе принято связывать с кризисом Габсбургской монархии и активизацией славянских национально-освободительных движений. Составной частью этого процесса являлся и так называемый южнославянский вопрос, тесно связанный с культурно-политическим противостоянием сербов, хорватов и мадьяр, а также формированием идеологии иллюризма (югославизма), направленной на признание «исторических» прав южных славян и предоставление им автономии в пределах Габсбургской монархии.

В 30–40-е гг. XIX в. в правящих кругах Венгрии активно развивалась и пропагандировалась в прессе идея всеобщего «блага» мадьяризации. Сторонник мадьяризации граф К. Зай в своих речах, посланиях и брошюрах неоднократно заявлял, что «славизм тождественен с деспотизмом, а мадьяризация – со свободой». Следовательно, «мадьяризация становится священнейшей обязанностью всякого искреннего патриота Угрии, ...всякого верного подданного Австрийского дома» [9, с. XVI]. Исходя из этого, придание венгерскому языку статуса официального превратилось в одну из главных политических проблем Транслейтании.

Ультранационалистическая группировка во главе с Лайошем Кошутом выдвинула программу реформ. Она включала законодательство, обеспечивавшее мадьярам привилегированное положение, что вызвало негативную реакцию других народов империи.

В конце 1847 г. Вена вынужденно признала мадьярский язык государственным, наряду с немецким, полагая, что подобные жесты «великодушия» позволят ей преодолеть рост сепаратизма в Венгерском королевстве и избежать революционных преобразований. Однако уже в марте 1848 г. австро-венгерские противоречия вновь обострились. Проводимая Веней политика экономической автаркии, т. е. опоры на собственные силы, привела к резкому

углублению региональных хозяйственных различий, прежде всего, за счет разрыва между индустриальным северо-западом страны (альпийские и богемские земли) и аграрными восточными и юго-восточными областями (Венгрия, Галиция, Трансильвания). Снизилась конкурентоспособность австрийских товаров на европейских рынках, и закреплялась общая экономическая отсталость, что сделало невозможным увеличение налоговых поступлений в казну. Стремительно росли бюджетные расходы, в частности, на строительство железных дорог, так как привлечение частного капитала отсутствовало. Единственным достижением в области финансов являлось относительное повышение репутации венского кабинета как заемщика, позволившей ему брать кредиты на вполне приемлемых условиях.

Экономическая неустойчивость в дунайской империи отразилась, соответственно, и на социальном положении населения и спровоцировала обострения межнациональных противоречий.

Венгрия сумела добиться создания собственного правительства во главе с умеренным лидером оппозиции Л. Баттяни, а Л. Кошут, в руках которого фактически сосредоточилась вся исполнительная власть, был назначен на пост министра финансов. Успехи венгерских ультрамадьяр еще раз подтвердили неэффективность внутренней политики Габсбургов. Этнически и конфессионально неоднородная дунайская монархия остро нуждалась в кардинальных переменах, но консервативные убеждения не позволяли правящей династии отказаться от привычной формы государственного устройства. Веру в «непогрешимость» принципов централизма, абсолютизма и политики германизации до определенного времени укрепляла лояльность, проявляемая к венскому кабинету славянскими подданными, в том числе Трансильвании и Хорватии, где стремления мадьяр реализовать великовенгерскую программу натолкнулись на особенно решительное сопротивление.

Примечательным в этом отношении является заявление хорватского бана (наместника в Хорватии) Иосипа Елачича, обращенное к председателю правительства графу Л. Баттяни: «Нас разделяет не конфликт партикуляризмов – в этом случае нам удалось бы договориться. Вы хотите свободной и независимой Венгрии, я же обязался защищать политическое единство Австрийской империи. Если вы с этим не согласны, разрешить спор между нами может лишь меч» [8, с. 258].

Не менее четко свое отношение к мадьярам определили и сербы. В их манифесте 1848 г. говорилось: «Мы сражаемся против тех, кто нарушает конституцию, кто требует свободы только для себя, кто стремится использовать для мадьярского меньшинства сокровище, добытое трудами славян, румын и немцев» [7, с. 20].

В мае 1848 г. состоялось заседание хорватского сабора (хорватское сословно-представительное учреждение), выразившего твердое намерение переустроить империю Габсбургов на федеративных началах. Обоснованием стали «историческое право» и «естественный закон», согласно которым «каждый народ как одно целое имеет право на свободу и на полное равноправие среди других народов» [6, с. 236]. Одновременно был выдвинут проект соз-

дания в пределах Австрийской империи Иллирийского королевства, которое включало бы земли Хорватии, Славонии, Далмации и Военной границы, т. е., собственно, южнославянские территории.

В качестве одного из первых шагов на пути к федерации сабор рассматривал основание сербохорватского государственного союза. При этом оставались неясными формы данного объединения. Одни склонялись к признанию супрематии Хорватского королевства и призывали сербское население, как Б. Шулек, встать «под знамена нашего славного бана». Другие, подобно Л. Гаю, соглашались на главенство сербов, но лишь в том случае, если будет образовано самостоятельное южнославянское государство.

К этому времени в Хорватии уже достаточно широко распространились слухи о мерах, применяемых венгерскими властями для подавления словацкого движения. Поэтому, помимо введения национального языка в школах, церквях и администрации, хорватский сабор выдвинул предварительные требования о прекращении преследований славян и освобождении из тюрем «славянских патриотов».

Хорватский сабор не смог в полной мере решить поставленные задачи. Если теоретически идея объединения южных славян, получившая название «иллиризм», представлялась осуществимой и не вызывала никаких сомнений, то на деле эта иллюзия разбивалась, собственно, о сербохорватские противоречия, возникавшие и в сфере религиозно-культурных отношений, тесно связанных с проблемой национальной самоидентификации, и особенно при решении территориально-политических вопросов. Так, в зависимости от религиозной принадлежности, например, жители Далмации отождествляли себя либо с сербами (православные), либо с хорватами (католики).

В конце XIX – начале XX вв. в среде южных славян возобладали идеи т. н. югославизма. Его смысл сводился уже не просто к необходимости объединения сербов, хорватов и словенцев под «габсбургскими знаменами», а к достижению ими полной независимости. Считалось, что реализация такого проекта привела бы к распаду Австро-Венгрии. Одним из идеологов югославизма являлся епископ Й. Штроссмайер. Одновременно другие представители южнославянского национально-освободительного движения продолжали отстаивать более умеренные иллирийские проекты (С. Виатор), утверждая, что существование южных славян вне дунайской монархии возможно только в случае общеевропейской войны, результатом которой станет гибель Европы и выход на международную арену Америки и Азии. Единственной европейской державой, способной одержать победу в этой войне, по мнению С. Виатора, могла стать только Россия, а это обеспечило бы, в свою очередь, «триумф восточной культуры над западной (православия над католицизмом. – А. Г.)» [11, с. 6].

Обе теории (иллиризм и югославизм) выдвигали в качестве первоочередной задачи устранение религиозных и территориально-политических противоречий между южнославянскими народами. И. Штроссмайер считал, что достичь объединения южных славян можно двумя путями. Первый из них И. Штроссмайер видел в учреждении новых средних и высших учебных заведе-

ний в Загребе. Им были разработаны уставы югославянской академии наук и искусства, земского народного музея и югославянского университета. Данные меры позволили бы, по его мнению, стать Загребу культурным и духовным центром всего южного славянства. Второй путь, по мысли епископа, состоял в преодолении раскола между Восточной и Западной церквями как главного источника славянской розни: «вера у нас ...одна и та же. Славянство, объединенное в церкви, объединилось бы также в духе любви, так как за единством церковным должно последовать и единство национальное» [1, с. 651–652].

И. Штроссмайер был убежден, что выполнение этой миссии целиком и полностью принадлежит хорватам. Им предстояло стать источником распространения не только «древнеславянского богослужения», под которым понималась, собственно, христианская церковь до схизмы 1054 г., но и древнеславянского языка.

Идеи И. Штроссмайера нашли понимание, главным образом, у представителей католической церкви. В целях укрепления своих позиций в славянском мире папа римский согласился на ряд уступок. С его согласия в базилике св. Климента, над гробом св. Кирилла, была поставлена часовня в честь славянских апостолов, в Лоретти появились иконы с изображением славянских святых. Папа Лев XIII в энциклике «Grande Munus» обратился ко всем католикам с призывом праздновать день св. Кирилла и Мефодия каждый год 5 июля. Он упомянул не только о «заслугах фессалонийских братьев в деле распространения христианства среди славян», но и о том, что «папы всегда заботились о славянских странах» [3, с. 77]. С 1890 г. в Риме началось преподавание старославянского языка. Во время католических торжеств в Дьякове, на которых присутствовали и И. Штроссмайер, сараевский архиепископ Штадлер высказал пожелание о соединении Боснии с католической Хорватией. Это вызвало широкий резонанс среди представителей других конфессий, в том числе и православной, чем еще раз подтвердило утопичность идей И. Штроссмайера.

Показательно, что епископ пытался оказать влияние и на русско-польские взаимоотношения. Он считал, что так называемый «польский вопрос» может быть решен путем назначения на высшие католические духовные кафедры в России славянофильски настроенных чешских и хорватских священников. И. Штроссмайер дал парадоксальное обоснование необходимости такого шага: польское духовенство путем вливания в него «нового духа» должно было «излечиться» от «ложного, исключительно римского католицизма» [1, с. 654]. С этой целью в Россию, действительно, были направлены католические миссионеры, среди которых присутствовал и идейный соратник И. Штроссмайера, известный хорватский историк Ф. Рацкий. Данная миссия по объективным причинам также не увенчалась успехом.

Еще одним важным фактором, препятствовавшим реализации вышеупомянутых программ, явилось отсутствие единого взгляда среди южных славян на выбор политического центра будущей Великой Иллирии. Так, хорватские лидеры, вслед за И. Штроссмайером, утверждали, что центром будущего

южнославянского государства предстоит стать, собственно, Хорватии, поскольку именно она представляет собой «единственную самую надежную опору на востоке Адриатического моря против ирредентизма, лучший источник, как для военно-морского флота, так и для торгового флота, важная составляющая в цепочке «Вена–Сараево» (т. е. связующее звено между Веной и Турцией), главное препятствие политике мадьяризации» [11, с. 4]. Аналогичную идею выдвигали и сербы с той лишь разницей, что центром будущего южнославянского объединения предстояло стать Сербии.

Проблему общего южнославянского языка хорватские и сербские ученые-лингвисты успешно разрешили еще 28 марта 1850 г. в Вене путем подписания договора о принятии единого литературного языка, но с разными алфавитами – латиницей и кириллицей. Соглашение оказалось настолько прочным, что просуществовало до 1991 г.

Жесткое соперничество в югославянской «семье» возобновилось в 1868 г. в связи с появлением у хорватов «своей формы автономии», четко обозначившей «дальнейшую стратегическую задачу – собирание земель Триединого королевства в одну административную единицу» [4, с. 128]. Центральное место занял спор о правовом статусе православного сербского населения. Его логическим завершением, как известно, стала оккупация Габсбургами Боснии и Герцеговины.

Немаловажную роль в разжигании сербохорватской вражды сыграли и внешнеполитические факторы. Начиная с середины XIX в., Сербия, представлявшая фактически единственный форпост православия на Западе, активно пользовалась материальной поддержкой России, тогда как ее непримиримая соперница – Хорватия – ориентировалась на Францию.

В начале XX в. большой интерес к Сербскому княжеству проявляла и лондонская интеллектуально-политическая элита, обеспокоенная не меньше палаты лордов быстрым наращиванием военно-экономического потенциала Германской империи. Особую тревогу Великобритании вызывал разрабатываемый немецкими политиками проект строительства железнодорожной линии Берлин–Багдад, реализация которого позволила бы Германии сравнительно легко перебрасывать войска к Персидскому заливу, а затем, возможно, вторгнуться в Британскую Индию. В связи с этим, часть английской интеллигенции высказалась за образование на Балканах, под эгидой Сербии, южнославянского союза, поставленного в политическую и экономическую зависимость от Лондона. Именно сербохорватское объединение, по мнению известного английского историка Р. У. Сетона-Уотсона, являлось едва ли не единственным возможным препятствием дальнейшего продвижения Германии на Восток и надежной «гарантией будущего мира в Адриатике и на Балканском полуострове» [10, р. 120].

Ставка на Сербию была сделана далеко не случайно, о чем свидетельствуют два обстоятельства. Первое из них заключалось в намерении германского правительства прокладывать железнодорожный путь к Багдаду непосредственно через сербские земли. Второе сводилось к тому, что после «инцидента» в Сараево на сербском престоле оказался Петр I Карагеоргиевич, нахо-

дившийся под сильным влиянием военного ведомства, среди представителей которого доминировали идеи великосербского национализма, югославизма и отчасти «русского» панславизма. Это вынудило Австро-Венгрию уступить лидирующие позиции на Балканах Российской Империи, поддерживавшей среди сербских политиков мечты о воссоздании «Великой Сербии», в состав которой вошли бы Босния и Герцеговина, а также все южнославянские земли Австро-Венгрии. Усиление позиций России на Ближнем Востоке, равно как и рост влияния Германии в регионе, не соответствовали политике британского правительства, поскольку приближали его соперников к индийским колониям. «Англия способна бороться с Россией», – утверждал британский историк Дж. Р. Сили, примером чего служит успешное подавление мятежей в ее «заморских» владениях. Однако «нанести поражение... вторгнувшейся русской армии», признался ученый, «британский лев» сумеет лишь в том случае, если эти события не произойдут одновременно [5, с. 309].

Таким образом, создание южнославянского государства, возглавляемого сербами, должно было избавить Англию одновременно от двух сильных противников – России и Германии.

Поставленной цели южным славянам отчасти удалось достичь только после окончания Первой мировой войны, когда на «развалинах» Австро-Венгерской и Османской империй возникло Королевство сербов, хорватов и словенцев. Целесообразность такого объединения состояла в необходимости обеспечения безопасности собственного «жизненного пространства» от внешних посягательств. Но оно не сумело устранить прежних противоречий. Все хорватские партии продолжали настаивать на федеративном или конфедеративном устройстве, в рамках которого Хорватия получила бы право законодательной инициативы без контроля центральных властей. Сербские политики рассматривали такие требования своих «соседей» как «пагубный анахронизм» [2, с. 143]. В итоге, 6 января 1929 г. в стране установилась монархическая диктатура, а несколько позже изменилось ее название (Королевство Югославия) и территориально-административное деление (девять банатов), призванное приостановить наметившиеся дезинтеграционные процессы.

Таким образом, активная политика мадьяризации способствовала обострению южнославянского вопроса, идеологической составляющей которого являлся так называемый иллиризм (югославизм). Цель последнего состояла в создании южнославянского союза под эгидой Габсбургской империи. Однако проблема выбора центра, религии и языка будущего югославянского государственного объединения спровоцировала усиление противоречий между сербами и хорватами. В немалой степени разжиганию сербохорватской вражды способствовал внешнеполитический фактор (сербов поддерживала Россия, хорватов – Франция). Впрочем, отчасти южнославянские проекты удалось реализовать после окончания Первой мировой войны, когда перед сербами и хорватами встала проблема этнокультурного самосохранения.

2. *Димич Л.* Страна с тремя именами. Рассвет и закат югославской идеи // Родина. – 2001. – № 1.
3. *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности // Й. Колейка. – Прага, 1905.
4. *Кузьмичева Л.* Сия семейная вражда... Сербохорватские сближения и конфликты в XIX – начале XX в. // Родина. – 2001. – № 1.
5. *Сили Дж. Р.* Британская империя / Дж. Р. Сили, Дж. А. Крэмб. – М., 2004.
6. *Лещиловская И. И.* Материалы к изучению хорватского вопроса в 1848 г. (Деятельность хорватского сабора в 1848 г.) // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. – М., 1964.
7. *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года / А. Л. Погодин. – М., 1915.
8. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя / Я. Шимов. – М., 2003.
9. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. Предисловие / Л. Штур. – СПб., 1909.
2. *Dimich L.* Country with three names. The bloom and downfall of the Yugoslavian idea // Motherland. – 2001. – N 1.
3. *Koleika Y.* Slavic programs and Slavic solidarity idea / Y. Koleika. – Praha, 1905.
4. *Kuzmicheva L.* This family feud... The Serbo-Croat approaches and conflicts in XIX – at the beginning of XX c. // Motherland. – 2001. – N 1.
5. *Sily J. R.* The British Empire / J. R. Sily, J. A. Kramb. – M., 2004.
6. *Lechtchilovskaya I. I.* Materials on the Croatian issue study in 1848 (Activity of the Croatian Assembly in 1848) // Slavic-Balkan researches. Source studies and historiography. – M., 1964.
7. *Pogodin A. L.* Slavic world. Political and economics situation of the Slavic peoples before the War of 1914 / A. L. Pogodin. – M., 1915.
8. *Shimov Ya.* The Austria-Hungary Empire / Ya. Shimov. – M., 2003.
9. *Shtur L.* Slavdom and future world. A message to the Slavs on the Danube shores. Introduction / L. Shtur. – SPb., 1909.

Southern – Slavic issue in the Gabsburg Empire (40-s of XIX-th c. – beginning of XX-th c.)

A. A. Grigorieva

Eastern-Siberian State Academy of Education, University, Irkutsk

The article examines the Southern – Slavic issue tightly bound with national movement of the Gabsburg Monarchy Southern Slavs and its ideological background (illirizm). Besides it analyses the origin of Serbo-Croat contradictions.

Key words: illirizm, yugoslavizm, the Serbian, the Croatian, magyarisation, Austria-Hungary.

Григорьева Анна Александровна – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры всемирной истории гуманитарного факультета Восточно-Сибирской государственной академии образования, г. Иркутск, e-mail: fox-admin81@mail.ru

Grigorieva Anna Nikolayevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of World History, the faculty of Humanities, the Eastern-Siberian State Academy of Education, Irkutsk, e-mail: fox-admin81@mail.ru